

ПОЛИТОЛОГИЯ

К ИСТОРИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПАРТИЙНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В КЕНИИ

© 2022 Н.Ф. Матвеева

МАТВЕЕВА Наталия Федоровна, научный сотрудник Центра изучения проблем переходной экономики Института Африки РАН, Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, e-mail: nf661@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности перехода Кении от многопартийности к установлению однопартийного политического режима, сменившегося восстановлением политического плюрализма. Анализируются положения новой конституции, в которой сделана попытка реформировать политическую систему страны с тем, чтобы предотвратить в будущем обострение межэтнических конфликтов во время избирательных президентских кампаний, повысить доверие населения к их результатам и сделать политику более инклюзивной.*

***Ключевые слова:** KANU, KADU, KPU, NARC, авторитарный режим, однопартийная политическая система, многопартийность, конституция, демократизация избирательного процесса*

DOI: 10.31132/2412-5717-2022-60-3-53-72

В 1960 г., провозглашенном в декларации ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам «годом Африки», в Кении был окончательно снят запрет на деятельность африканских политических партий¹, и на общественно-политической арене страны появился Национальный союз африканцев Кении (*Kenya African National Union, KANU*). Преемник возникавших в 1920-е – 1940-е гг. стихийных и незрелых форм антиколониального сопротивления кикуйю, крупнейшей этнической общности страны, и опиравшийся также на луо (тогда вторую по численности этнической группы), *KANU* выступил за немедленное предоставление Кении независимости, претендуя при этом на роль главного координатора деятельности всех кенийских антиколониальных сил.

В своей стратегии *catch all*² *KANU* апеллировал к самым широким слоям населения и различным общественным группам, как к безземельному и малоимущему крестьянству, так и к нарождающейся сельской и городской буржуазии, как к мелким и средним, так и к крупным предпринимателям, как к объединенным в профсоюзы рабочим, так и

¹ Введен в 1956 г. в связи с восстанием в 1950-е гг. народов Кении (главным образом, кикуйю, а также эмбу и меру) против английской практики отъема земли у африканцев, получивший название восстание *May May*.

² *Catch all* (англ.) буквально «поймать все» – тактика избирательных кампаний, основанная на стремлении получить голоса всех социальных, этнических и прочих групп.

к безработным и так далее, намеренно подчеркивая неклассовый, массовый характер своей организации, определяя ее как «национально-освободительное движение» [1, с. 97–107]. Однако эту стратегию ему полностью не удалось реализовать, прежде всего из-за этно-территориального фактора – против вступления в *KANU* были создавшие Демократический союз африканцев Кении (*Kenya African Democratic Union, KADU*) различные этнические объединения так называемых малых племен. Призывы *KANU* к национальному единству фактически означали для них установление «гегемонии кикуйю-луо», ущемлявшей их экономические и территориальные интересы [1, с. 89–90].

Основные этапы перехода к однопартийной политической системе

Главные разногласия между *KANU* и *KADU* касались будущего государственного устройства независимой Кении, которые наиболее четко обозначились на переговорах об основных положениях ее конституции, начавшихся с 1960 г. в Лондоне при участии представителей британских властей и кенийских политических партий. В противовес программе *KANU* о централизованной системе управления страной как унитарным государством, *KADU* отстаивал на переговорах план *majimbo* (в переводе с суахили «регионы», «административные единицы»), т.е. предоставление региональным властям широких полномочий в отправлении законодательных и исполнительных функций [2].

Впоследствии прочно вошедшее в политический лексикон Кении понятие *majimbo* по-разному в своих интересах трактовалось кенийскими политиками в зависимости от конкретных условий текущего момента, а в начале 1960-х гг. план *KADU* поддерживало также европейское поселенческое меньшинство, пытаясь сохранить контроль над плодородными землями Белого (в независимой Кении – Центрального) нагорья. В то же время председатель *KANU* Джомо Кениата усматривал в нем стремление к «разжиганию межплеменной розни».

Из-за непримиримости поддержанной англичанами позиции *KADU*, в результате чего сроки предоставления Кении независимости дважды откладывались, делегация *KANU* в конце концов была вынуждена согласиться на включение в конституцию ряда принципов федерального государственного устройства, в частности, создание региональных парламентов. Затягивание переговоров было крайне невыгодным для *KANU*: он стремился обеспечить себе руководящую роль в будущем общественном развитии Кении, о стратегической направленности которого в рядах партийного руководства не было единого мнения. Принципиальные разногласия по этому поводу между партийными лидерами, опиравшимися на социально разнородные группы населения с различными экономическими интересами, объединенными в движение лишь одной общей краткосрочной целью, ослабляли в нем мобилизующее влияние *KANU*.

Поэтому главную задачу партии в тот момент ее председатель видел в сохранении в глазах поддерживающего *KANU* населения видимости единства в партийных рядах. Это было нужно для того, чтобы, опираясь на численное превосходство своих избирателей, обеспечить победу над *KADU* на намеченных на май 1963 г. первых в стране всеобщих африканских парламентских выборах. Голосование должно было состояться накануне предоставления Кении с 1 июня права на внутреннее самоуправление, что являлось началом ее пути к получению политической независимости.

Результаты выборов [1, с. 188–189] наглядно продемонстрировали конкретную расстановку политических сил в стремящейся к политической самостоятельности этнически разобщенной Кении. Ее специфика заключалась в борьбе за будущую власть парламентскими методами в условиях многопартийности между двумя крупными, опиравшимися на различные этнические общности националистическими политическими объ-

единениями. Исход этой борьбы во многом надолго predetermined вектор дальнейшей политической истории страны.

Организованная в соответствии с принципами *majimbo* избирательная процедура выявила довольно существенную поддержку *KADU* населения регионов, где при выборах в региональные парламенты (ассамблеи) за эту партию и ее политического оппонента было подано примерно равное число голосов (несколько мест досталось представителям не вошедших в *KADU* и *KANU* небольших этнических союзов и независимым депутатам). При рекрутировании депутатов от регионов в верхнюю палату парламента страны – Сенат у *KANU* было лишь незначительное преимущество. Тем не менее, абсолютное большинство поданных за *KANU* голосов при выборах в нижнюю палату государственного парламента обеспечило ему право на формирование первого африканского правительства. В результате в его состав вошли исключительно члены *KANU*, председатель которого был ими избран премьер-министром. Этот пост остался за Кениатой и после предоставления Кении 12 декабря 1963 г. политической независимости.

В ходе подготовки к переходу от монархической³ к республиканской форме правления Кениата инициировал кампанию за утверждение монопольных позиций *KANU* в унаследованной многопартийной политической системе. (Ее сохранение предусматривала первая конституция независимой Кении, сформулированная по образцу вестминстерской парламентской модели⁴. На конституционных переговорах в Лондоне принципы политического устройства делегатами от *KANU* из тактических соображений не выносились на обсуждение).

Чтобы убедить представлявших интересы довольно существенной части населения регионов членов *KADU* отказаться от своего парламентского оппозиционного статуса, были использованы, наряду с публичными обвинениями их партийного руководства в трайбализме, закулисные переговоры, посулы министерских постов, подкупы и прочее, а также финансовые способы вмешательства центральных органов власти в деятельность региональных управленческих аппаратов. Вкупе такая политика возымела эффект, на который рассчитывал Кениата: перед голосованием в парламенте резолюции о провозглашении Кении 12 декабря 1964 г. республикой, *KADU* объявил о самороспуске и присоединении к *KANU*. В результате де-юре многопартийная Кения де-факто стала однопартийным государством, олицетворяющим «национальное единство» при политическом режиме Кениаты. В мобилизации широкой общественной поддержки *KANU* Кениата опирался на лозунг «*Harambee!*» («Потянем вместе!» на суахили, используется при традиционной взаимопомощи), которому был придан официальный характер.

Первые законотворческие акции республиканского парламента включали утверждение принципов унитарной системы государственного устройства, которое сопровождалось роспуском региональных ассамблей как потенциальных оплотов оппозиции, а также внесение в конституцию изменений, ставших предпосылками концентрации властных полномочий в руках верховной власти. Так, при упразднении должности премьер-министра был учрежден пост президента как главы и государства, и правительства, в частности с предоставлением ему исключительного права без обсуждения кандидатур в парламенте формировать и менять состав возглавленного им кабинета министров.

В результате приступивший к своим обязанностям единогласно избранный президентом Кениата сразу же назначил министром внутренних дел одного из прежних руководителей *KADU* Даниэля арап Мои, его будущего преемника в качестве главы государства и председателя правящей партии. Ранее МВД руководил Огинга Одинга, полу-

³ После провозглашения политической независимости формальной главой Кении как государства, ставшего членом Содружества наций, осталась английская королева.

⁴ Парламентская система государственного управления, построенная на принципах государственной модели Великобритании.

чивший пост вице-президента республики. В сущности, это была маловлиятельная должность, если учесть врученные Кениате парламентом полномочия по управлению государственным механизмом.

Между тем Одинга в свое время сыграл решающую роль в обеспечении *KANU* массовой поддержки со стороны его народа луо, он был в числе тех, кто наиболее активно выступал за предоставление кикуйю Кениате поста председателя этой партии и ее превращение в единую национальную организацию. В развернувшемся в Кении в начале 1960-х гг. антиколониальном движении Одинга считал себя ближайшим соратником Кениаты в борьбе за независимость, пользуясь фактически равной с ним популярностью среди *vananchi* (рядовых граждан), особенно среди искренне верящих в лозунги *KANU* и слабо осведомленных о внутривнутрипартийных разногласиях о том, по какому пути пойдет независимая Кения, в которых эти харизматические лидеры занимали прямо противоположные позиции [3, с. 242].

Однако, когда после получения независимости утверждение в политической системе Кении однопартийной идеологии стало уже свершившимся фактом, эти разногласия обострились, и Одинга снова оказался в их эпицентре. Новым толчком послужила принятая в 1965 г. программа экономического развития Кении. В ее основу был положен одобренный парламентом правительственный документ «Африканский социализм и его применение к планированию в Кении» [4] – идеологическое обоснование курса на достижение ускоренного развития при сохранении унаследованной колониальной социально-экономической структуры как его базовой основы. При этом игнорировались свойственные этой структуре и еще более обозначившиеся в кенийском постколониальном обществе имущественное неравенство и социальные противоречия.

Выступая с позиций главного идеолога «классического» африканского социализма Ньерере, который провозглашал полный разрыв с системой хозяйствования «угнетателей», Одинга особой критике подверг продолженные правительством Кениаты колониальные программы расселения африканцев на землях, некогда отторгнутых у них европейцами⁵, оставившими накануне провозглашения независимости тысячи крестьян безземельными, а также аграрные преобразования по утверждению частнособственнических земельных отношений. В их ходе правом бесконтрольно увеличивать свою земельную собственность воспользовалось прежде всего зажиточное крестьянство, и начала складываться социально близкая ему прослойка крупных латифундистов. Многие из ее представителей впоследствии оказались в партийно-правительственном аппарате и в числе главных сторонников официального квазикапиталистического курса, в рамках которого сохранение крупного землевладения считалось «экономически целесообразным» [5, с. 83–106].

Антагонистические идейные расхождения между находящимися в рядах одной партии радикально настроенной группировкой Одинги и ее противниками, не желавшими идти на компромиссы, неизбежно подводили *KANU* к ситуации, во многом аналогичной сложившейся накануне предоставления Кении независимости. Тогда в сущности те же самые разногласия по вопросу о путях общественного развития Кении, которые также как и тогда усугублялись влиянием личных, групповых и этнических интересов, фактически поставили *KANU* на грань раскола. Предотвратить его смог Кениата, который, чтобы пресечь внутривнутрипартийные разногласия, использовал свой непререкаемый авторитет и потребовал для себя особых полномочий для применения строгих дисциплинарных мер по отношению к участникам дискуссий вплоть до исключения из партийных рядов [1, с. 164–175].

⁵ Европейцы начали покидать страну после первой лондонской конференции 1960 г., на которой обсуждался вопрос о передаче власти африканскому большинству.

Однако на этот раз для предотвращения внутрипартийного кризиса дисциплинарных угроз было явно недостаточно, хотя президент, выстраивая авторитарную вертикаль власти, пренебрегал при этом формально сохраняющимися демократическими конституционными установками. Он продолжал пребывать в уверенности, что никто не решится бросить ему открытый вызов. Тем не менее, вышедшая из *KANU* группа парламентариев в апреле 1965 г. воспользовалась своим конституционным правом на создание оппозиционной партии. Возникший в результате Союз народов Кении (*Kenya People's Union, KPU*) возглавил сложивший с себя полномочия вице-президента Одингга [1, с. 225; 3, с. 267].

С образованием *KPU* оставшаяся в течение 18 месяцев де-факто однопартийная Кения формально вернулась к политической системе, подобной существовавшей с 1 июня 1963 г. (начало внутреннего самоуправления) по 12 декабря 1964 г. (провозглашение президентской республики). Тогда на политической арене страны одновременно существовали *KANU* и *KADU* со своим представительством в парламенте, которые теоретически обладали равными шансами на борьбу за получение в нем большинства мест во время выборных кампаний. У членов *KADU* были также определенные возможности пользоваться положением официальной оппозиции для пропаганды своей политической программы, причем антирадикальная идеологическая направленность ее адептов в результате увеличила число противников Одингга в партийно-правительственной управленческой структуре после слияния союзов.

При этом способы устранения официальной оппозиции, использовавшиеся *KANU*, коренным образом отличались от его политики, направленной против *KPU*. Популистская программа этой партии, включавшая бесплатное распределение земельных участков среди неимущего крестьянства и безработных и национализацию без компенсации крупной иностранной собственности, превращали Одингга в серьезного соперника Кениаты на президентских выборах, которые должны были состояться в 1969 г. по истечении его первого пятилетнего президентского срока.

В таких обстоятельствах для отеснения от участия в политической жизни и пресечения возможностей роста влияния *KPU* на недовольный системой доступа к ресурсам электорат официальные власти прибегли к значительно более жестким мерам по делегитимации его оппозиционной деятельности. Так, если парламентарии от самораспустившегося *KADU* сохранили за собой места в законодательном органе власти, то создавшие *KPU* депутаты (согласно инициативе Кениаты и немедленно одобренному парламентом закону) были сразу же лишены своих парламентских мандатов. Для подготовки к выборам кандидатур на освободившиеся парламентские места (так называемые Малые всеобщие выборы, *Little General Election*) [6] был отведен месяц, причем только накануне объявления даты их проведения *KPU* получил официальное разрешение на право в них участвовать и лицензию на проведение митингов; *KPU* не имел при этом доступа к официальным СМИ (впоследствии эта возможность для него была еще более ограничена введением цензуры печати).

В результате баллотировавшиеся в парламент от *KPU* бывшие члены *KANU* потеряли 21 из 30 занимаемых ранее парламентских мест – ровно столько формально составлял конституционный минимум для официального образования в парламенте партийной фракции из представителей системной оппозиции, располагавшей такими же, как некогда *KADU*, возможностями для своей деятельности. Девять членов *KPU*, которым удалось вернуться в парламент в качестве независимых депутатов, не имели права выдвигать законодательные инициативы и представлять партийную организацию в парламентских и президентских выборах.

Наряду с конституционными маневрами и созданием административных препонов для участия *KPU* в политической жизни, важную роль сыграл также закон об общест-

венной безопасности, согласно которому президенту предоставлялось право отдавать приказы на заключение любого кенийского гражданина под стражу без суда за «противоправные» действия, в том числе за любые ненасильственные методы организации протестных акций. Закон широко применялся силами полиции для арестов в первую очередь членов *KPU*, обысков и разгромов партийных штаб-квартир, разгонов собраний и так далее.

Наметившуюся в результате тенденцию к сокращению численности партийных рядов *KPU* довольно эффективно усугубляла официальная антиопозиционная пропаганда с ее ярко выраженным «этническим акцентом». Тех, кто поддерживал *KPU*, называли примкнувшими к «горстке луо» (основной костяк партии составляли соплеменники Одинги), которая противопоставила себя «национальному единству».

Нагнетанию коллективного эмоционального настроения против *KPU* способствовало активное участие в организуемых с этой целью митингах самого Кениаты, с его утвердившимся в традиционном мифологическом сознании ореолом «отца нации», который привел Кению к независимости. При этом как бы затушевывался факт принципиальных расхождений между *KANU* и *KPU* и то, что лозунг последнего о «восстановлении социальной справедливости» созвучен с интересами многих представителей общественных групп, оставшихся в обретенной этой независимости Кении «за бортом» постколониально-социально-экономического развития.

Дискриминация деятельности *KPU*, обвинения в трайбализме, психологическое давление на партийных членов, выходцев из других этнических групп особенно заметно ослабили позиции партии после выхода из нее группы политиков-кикуйю во главе с Б. Каггиа, занимавшим пост заместителя Одинги. Активный защитник интересов безземельного крестьянства, в свое время с оружием в руках выступавший против колонизаторов в организованном кикуйю движении «За землю и свободу!» (восстание *Maui Mau*), он не выдержал обвинений в «предательстве своего народа» и вернулся в *KANU*.

Тем не менее, несмотря на активное противодействие властей, *KPU* удалось просуществовать три года, до октября 1969 г., когда по обвинению в дестабилизации общественного порядка его лидеры, включая Одингу, были заключены под стражу, а сам союз запрещен. В результате в течение первых пяти лет существования республики с ее политического поля были устранены все формы организационно оформленной оппозиции – как системной (*KADU*), так и несистемной (*KPU*). В каждой из них Кениата усматривал в первую очередь угрозу его собственному пребыванию у власти.

Легитимность его властных полномочий должна была продемонстрировать широкая народная поддержка возглавляемого им *KANU* во время намеченных на декабрь 1969 г. парламентских и президентских выборов. Для этого были приняты очередные поправки к конституции, согласно которым право избираться на пост президента и на партийное представительство в органах законодательной власти предоставлялось только кандидатам от официально зарегистрированной партии, то есть *KANU*. В условиях вновь утвердившейся в политической структуре де-факто монополии *KANU* у этой партии не было политических соперников, и исход голосования, так же как и во время очередных парламентских и президентских выборов в 1974 г., был предreshен, хотя число их участников было заметно ниже, чем во время первой всеафриканской избирательной кампании 1963 г.

Снижение избирательной активности происходило на фоне роста недовольства населения увеличением влияния в управленческом аппарате элиты кикуйю из родственного Кениате клана Киамбу. В результате заявления президента о его приверженности принципам национального единства приобретали все более формализованный характер и уже не вызывали прежнего общественного энтузиазма.

При этом, после окончания периода активной борьбы под руководством своего председателя с оппозиционным *KPU* участие *KANU* в общественно-политической жизни страны было заметным фактически лишь во время предвыборных кампаний, особенно когда утверждались кандидатуры в парламент. В управлении страной Кениата все больше опирался на состоящую из его ближайшего окружения канцелярию президента. Этот управленческий орган контролировал деятельность кабинета министров, разрабатывал законодательные инициативы, затем по существу без обсуждения одобрявшиеся парламентом.

Утверждение авторитарного политического режима

Тенденции к утверждению авторитарного политического режима получили свое дальнейшее развитие после пришедшего к власти Д. арап Мои, сменившего Кениату после его кончины в 1978 г.⁶ Выходец из малочисленных туген (этническая группа календжин), он, создавая в основном из представителей этой группы «свою» президентскую канцелярию, главной опорой в укреплении своих властных позиций сделал именно возглавленный им *KANU*, который был использован для распространения государственного контроля на все формы общественно-политической деятельности в стране [7].

Так, если при Кениате оставались, хотя и формальные, легальные возможности для создания оппозиционных организаций и участия в парламенте независимых депутатов, то при Мои они были устранены официальным введением в 1982 г. однопартийной политической системы и соответственно однопартийного парламента. В неприятии парламентских дискуссий Мои также пошел дальше своего предшественника: при новом президенте любые критические выступления депутатов могли повлечь за собой исключение из *KANU*, что означало потерю ими парламентского членства и уголовные преследования по закону об общественной безопасности.

Значительно большее внимание Мои уделял увеличению численности партийных рядов для обеспечения для правящей партии массовой поддержки населения (и ее контроля над ним), сделав при этом важным источником финансирования ее деятельности обязательную регулярную уплату членских взносов. В результате филиалами *KANU* стали Организация развития женщин (*Maendeleo Ya Wanabake, MYWO*) и Центральная организация профсоюзов (*Kenya Central Organization of Trade Unions, KOTU*). Членство в партии стало обязательным и для государственных служащих (членские взносы вычитались из их зарплаты), от этого во многом зависели доступность к государственным банковским кредитам, получение лицензий на организацию бизнеса. В ряде регионов страны были организованы специальные «зоны *KANU*», где торговать, владеть магазинами, барами и их посещать могли только члены партии.

Подобные способы увеличения численности партийных рядов сопровождались активной пропагандой придуманной Мои концепции-директивы *нуауо*⁷. С ее помощью он объяснял, почему кенийские граждане должны безоговорочно следовать именно за ним по пути, указанном еще «отцом нации», то есть фактически создавал свой собственный культ личности [8]. С этой же целью от баллотировавшихся в парламент членов партии, отобранных под контролем вышестоящих партийных органов, требовались письменные

⁶ Будучи вице-президентом с 1966 г., Д. арап Мои в соответствии с конституцией сначала временно занял президентский пост. Затем ему удалось сохранить его за собой как компромиссной фигуре, так как представители клана Кениаты не смогли договориться о кандидатуре его преемника. Избрание Мои получило довольно широкую поддержку среди групп населения, выступавших против «засилия кикуйю».

⁷ *Нуауо* в переводе с суахили «следы».

подтверждения их лояльности по отношению к Мои. После этого тот давал согласие на их участие в выборах.

Проверкой лояльности среди членов партии занимался партийный дисциплинарный комитет, который за проявленное диссидентство накладывал различные взыскания, принимал решения об исключении из партии, выводе из состава парламента, лишении права выставлять свою кандидатуру на парламентских выборах и тому подобное. Контроль за деятельностью членов *KANU* осуществляли также районные партийные организации и сотрудничавшая с ними местная администрация. В обязанности последней, входили, в частности, проверка уплаты членских взносов, выдача разрешений на собрания и надзор за ходом их проведения. При этом благодаря созданной Мои в бытность им главой МВД при Кении системе осведомителей политический контроль все больше распространялся практически на все слои кенийского общества.

Хотя предпосылки к утверждению авторитарной системы правления были замечены еще при Кении, однако отсутствию активного протеста довольно существенной части населения во многом способствовала благоприятно складывающаяся в стране в первое десятилетие независимости социально-экономическая ситуация. Так, расселение крестьян на ранее занятых европейскими хозяйствами землях привели к увеличению их участия в товарной экономике. В рамках политики кадровой африканизации представители коренного населения заняли места европейцев в бюрократической системе управления. Ее последующее расширение за счет создания новых органов государственного регулирования сопровождалось ростом занятости в сфере государственных услуг.

Развитие опиравшегося на иностранный частный капитал сектора обрабатывающей промышленности привело к определенным положительным сдвигам с занятостью в сфере материального производства: поскольку в долгосрочных планах Запада Кении предназначалась роль промышленного центра в Восточной Африке (прежде всего в созданном в 1967 г. Восточноафриканском сообществе, включившим также Уганду и Танзанию), в стране строились крупные по африканским масштабам промышленные предприятия, продукция которых была рассчитана на рынок субрегиона.

Годовой прирост ВВП Кении при низкой инфляции составлял в 1964–1973 гг. 7%, а после некоторого снижения в 1974 г. достиг в 1976 г. 8% [9, с. 113]. Наряду с аграрными реформами и промышленным развитием этому способствовала выгодная для Кении конъюнктура мировых рынков на ее экспортную сельскохозяйственную продукцию. Немаловажную роль сыграл также поток льготных займов и грантов Запада, который считал «ростками демократии» выбранный Кенией так называемый прокапиталистический путь общественного развития.

Мои пришел к власти, когда начали выявляться пределы курса на достижение оптимальных макроэкономических показателей с опорой на приток иностранной помощи и частных капиталов и ограниченный по своим хозяйственным масштабам анклав созданного европейцами конкурентоспособного аграрного производства. Так, для определенной части крестьян, приобретших земельные наделы, в серьезную проблему превратилось поддержание товарности своих хозяйств, как необходимого (предусмотренного аграрными реформами) условия погашения государственных ссуд на приобретение земельных участков. Это вынуждало их либо по частям продавать свои участки, либо переходить к натуральному хозяйству.

На экономическом положении Кении крайне негативно сказался также распад по политическим причинам в 1977 г. Восточноафриканского сообщества, повлекший за собой потерю страной рынков Уганды и Танзании, рост дефицита ее торгового баланса и сокращение притока частных инвестиций, как финансового обеспечения занятости в промышленном секторе. В результате на рубеже 1970-х – 1980-х гг. в хозяйственной структуре Кении, так же как и в других странах Африки, в первую очередь ее субсахар-

ского региона, независимо от избранной ими стратегии развития, резко обозначились усугубляемые внешними факторами кризисные черты.

В условиях, когда возможности для увеличения занятости в материальном производстве были исчерпаны [10, с. 281–283], давление демографического фактора на рынок труда усилилось: в 1970-е – 1980-е гг. Кения занимала одно из первых мест в мире по темпам роста населения. Необходимость решения этой проблемы вынудила правительство Мои из популистских соображений продолжить политику по созданию рабочих мест в сфере государственных услуг. Дальнейшее увеличение бюджетных затрат на расширение бюрократического аппарата привело к еще большему росту госдолга, несмотря на замораживание зарплаты госслужащим. Наряду с этим из-за мирового энергетического кризиса 1979 г. и случившейся в Кении в 1984 г. жесточайшей засухи резко возросли расходы на импорт нефти и продовольствия.

В какой-то степени ухудшившееся положение с торговым и платежным балансами было урегулировано за счет финансовой помощи Всемирного банка и Международного валютного фонда, которая была предоставлена Кении после согласия Мои на реализацию разработанной западными донорами программы структурной адаптации экономики страны к мировому хозяйству. Для Мои это было вынужденным шагом, предпринятым лишь для получения помощи, в которой страна остро нуждалась. Он всячески оттягивал сроки перехода к реформам, стремясь избежать радикальных изменений в утвердившихся при Кениате административно-принудительных методах хозяйственного управления, опирающегося на политические решения, указы и распоряжения. В пронизанных патронажно-клиентскими связями управленческих структурах Мои лишь сменил этнические приоритеты. Наиболее негативно эта политика сказалась на развитии аграрной отрасли, основной сферы материального производства и занятости в Кении.

Так, на протяжении более чем десятилетнего периода после получения Кенией первого транша помощи на структурные реформы (в начале 1980-х гг.) сохранялись установленные с приходом Мои к власти неизменно высокие государственные закупочные цены на пшеницу и кукурузу, уровень которых не зависел ни от рыночной конъюнктуры, ни от погодных условий [11, с. 158]. Официально это объяснялось необходимостью решения продовольственной проблемы за счет поддержания доходности хозяйств – поставщиков этой продукции. На деле же основная часть этих доходов доставалась элите этнически близких ему календжин, представители которой приобрели при содействии Мои зерновые хозяйства европейцев в ходе перераспределения земельной собственности при аграрных реформах Кениаты.

В результате монопольно высокие закупочные цены и регулярно предоставляемые целевые субсидии стали факторами, стимулирующими капитальные вложения в наращивание производства продовольствия, создав при этом для владельцев зерновых хозяйств благоприятные условия для увеличения ими своих потребительских расходов, включая покупки предметов роскоши. Выгодоприобретателем при росте государственных затрат на решение продовольственной проблемы было также чиновничество, монопольные позиции которого в директивно-распределительной системе контроля финансовыми и денежными потоками предоставляли им широкие возможности для личного обогащения.

Одновременно с увеличением государственных ассигнований на помощь зерновым хозяйствам были существенно снижены закупочные цены на кофе-бобы, производимые в мелкотоварном секторе кофейной отрасли, контролируемом при Кениате фермерами-кикуйю. В период его пребывания у власти им удавалось поддерживать рентабельность перешедших в их собственность хозяйств колонизаторов (внося тем самым вклад в сохранение значения кофе-бобов как главного источника валютных поступлений от экспорта аграрной продукции) не только благодаря выгодным закупочным ценам, но и

приобретенным за годы постоянных контактов с европейцами предпринимательским навыкам [12, с. 188–189].

Перераспределение при Мои государственных ресурсов в пользу зерновых хозяйств было вызвано необходимостью компенсации бюджетных потерь от государственной финансовой помощи их владельцам-календжин. Еще одной подоплекой этой меры, вызвавшей отток предпринимательских капиталов кикуйю из кофейной отрасли и разорения части занятых в ней фермеров, была общая политика Мои по маргинализации этой этнической группы, занимавшей при Кениате влиятельные экономические и политические позиции.

В целом же, убыточные для госбюджета аграрные преобразования 1980-х гг. фактически не имели ничего общего ни с предложенными донорами программами по структурной адаптации, ни с обещанными Мои популистскими мерами по улучшению материального положения населения, которое с начала десятилетия неуклонно ухудшалось. В этот период страна так и не смогла выйти из затяжного социально-экономического кризиса, сопровождавшегося увеличением безработицы, инфляции, стоимости жизни и, как следствие, ростом общественного недовольства неспособностью властей создать обещанные им благоприятные условия для развития продуктивной занятости в частном секторе, ввести бесплатное школьное питание, бороться с коррупцией и т.д.

Отмечавшиеся во время правления Кениаты позитивные сдвиги в хозяйственном и социальном развитии, его умение искусно маневрировать между политическими интересами различных этнических элит, сохранявшаяся в известной мере экономическая свобода для предпринимательской деятельности так или иначе способствовали общественной стабильности [13, с. 92–95]. В то же время главным гарантом обеспечения общественного порядка при Мои, в условиях все больше истощавшихся государственных ресурсов, растущего имущественного неравенства и ужесточения осуществляемого с помощью *KANU* политического контроля, стали репрессивные меры по отношению к любым формам протеста против происходивших в стране социально-политических процессов и даже проявлению отдельными гражданами инакомыслия.

Своего пика массовые аресты, жестокое обращение с заключенными под стражу оппозиционно настроенными политиками, представителями интеллигенции, религиозными деятелями достигли к середине 1980 г., когда были разгромлены подпольные организации *December 12* (дата провозглашения политической независимости Кении) и *Mwakenya* (Свободная Кения в переводе с суахили), выступивших за демократизацию политического режима. После этого последовало запрещение студенческих и профессорско-преподавательских ассоциаций, профессиональных объединений, занимавших при Кениате автономные позиции по отношению к государству.

В атмосфере постоянной угрозы применения властями карательных мер состоялась очередная выборная кампания 1988 г., перед которой было отменено тайное голосование на первичных выборах в округах. Для выявления политических предпочтений граждан вместо этого вводилась процедура *mlolongo*, в соответствии с которой они, придя на избирательные участки, должны были выстраиваться в очередь друг за другом перед фотопортретами выбираемых ими кандидатов. Подсчет голосов, поданных за ту или иную кандидатуру, производился «по головам» представителями местной администрации и контролирующими их партийных организаций [14].

Проведенный с помощью процедуры *mlolongo* и подтасовок в подсчете голосов отбор членов *KANU* для заседания в парламенте должен был обеспечить их безоговорочную поддержку любых законодательных инициатив канцелярии президента. В результате сразу же после выборов парламент одобрил законопроект, лишавший генерального прокурора и членов Высокого и Апелляционного судов гарантий их пребывания в должности. В результате была фактически полностью устранена закрепленная в кон-

ституции система сдержек и противовесов, направленная против концентрации всех ветвей власти в руках возглавляемого Мои партийно-государственного управленческого аппарата, опирающегося на подконтрольный ему аппарат подавления.

Характерно, что меры по окончательному лишению *vananchi* представительства в законодательном органе власти и возможности независимого судебного разбирательства были приняты в то же самое время, когда лидеры в целом ряде стран Африки южнее Сахары уже объявили о переходе к многопартийной системе и легализации деятельности оппозиционных партий. Резко негативная реакция Мои на эти события наиболее наглядно проявилась в жесточайшем подавлении силами полиции и армии прокатившихся по крупным городам Кении стихийных митингов, начавшихся в Найроби 7 августа 1990 г. (*Saba-Saba Day*, седьмой день седьмого месяца). Тогда подспудно тлевшее недовольство кенийских граждан ожесточавшемся полицейским режимом и дальнейшим ограничением их политических прав и экономических свобод в конце концов выплеснулось на улицу [15].

В официально запрещенных митингах приняли участие около 6 тыс. человек (население Кении в 1990 г. составляло 20 млн человек), выступивших за возвращение к многопартийной системе. Только через четыре дня демонстрации были окончательно разогнаны, арестованы около 1 тыс. их участников, точные данные об убитых и раненых не публиковались.

С тех пор в кенийской историографии *Saba-Saba Day* 1990 г. считается первым шагом на пути к окончательному падению однопартийного режима Мои. Несмотря на одержанную им одиозную «военную победу», для получения внешнего финансирования он был вынужден отменить *mlolongo*, освободить наиболее популярных в народе политических заключенных, амнистировать некоторых диссидентов, проживавших за границей, распустить дисциплинарный комитет *KANU*.

Возвращение к многопартийности

В ноябре 1991 г. в обстановке продолжавшихся антиправительственных выступлений за предоставление населению гражданских прав и свобод Кении было отказано в очередном транше финансовой помощи на структурные реформы. По мнению ряда аналитиков, именно задержка в предоставлении помощи, которая мотивировалась несоблюдением властями страны требований гражданского общества вернуться к многопартийной политической системе заставила Мои в конце концов пойти на уступки: внешняя финансовая помощь Кении к началу 1990 г. превратилась в главный источник пополнения ее истощавшегося непроизводительными тратами государственного бюджета, и позволяла властям медлить с перестройкой государственной управленческой системы (в частности, с отменой монопольно высоких государственных закупочных цен на зерновые).

Конституционная поправка о либерализации политической системы и легализации деятельности оппозиционных партий была принята уже в начале декабря 1991 г. [16]. При этом время пребывания избиравшегося на всенародном голосовании президента на своем посту ограничивалось двумя пятилетиями (ранее эти сроки в конституции никак не оговаривались). Данная поправка дала возможность выйти на политическую арену партиям, выступавшим за восстановление многопартийной демократии. В начале 1992 г. девять из них, получивших регистрацию, заявили о своем намерении участвовать в намеченных на декабрь президентских и парламентских выборах, рассчитывая на всенародную поддержку их главной цели – одержать победу над *KANU*, которую Мои использовал для сохранения своих авторитарных позиций.

Однако во время предвыборной кампании 1992 г., так же, как и в 1997 г., ни один из лидеров оппозиционных партий, созданных по свойственному африканской политиче-

ской культуре этническому признаку, так и не смог уступить другому в конкурентной борьбе за высший государственный пост. Их попытки действовать в одиночку, опираясь на «свой» народ, были обречены на неудачу: даже наиболее многочисленные этнические группы (кикуйю, луйя, календжин, луо, камба), на которые в многоэтнической Кении приходится свыше 65% населения, по отдельности составляют относительно небольшие его доли. Возникавшие на межэтнической основе союзы были кратковременными, так как каждый из создававших их «этнических» лидеров настаивал на выдвижении именно своей кандидатуры на пост президента [17, с. 35–36].

К тому же они были уверены в том, что возврат к многопартийности, формально отменивший монопольные позиции в политической структуре пропрезидентской *KANU*, является залогом немедленного падения режима Мои, и поэтому допустили ряд важных тактических просчетов. В частности, ими не были инициированы конституционные и институционные реформы, обеспечивавшие на президентских выборах лидерам оппозиционных партий равные конкурентные позиции с Мои. Фактически он становился лишь одним из претендентов на высший государственный пост, однако на деле, как действующий президент и носитель властных полномочий, он по-прежнему обладал широкими возможностями для влияния на ход избирательного процесса.

В результате под его руководством и без консультаций с представителями оппозиционных партий была сформирована центральная избирательная комиссия из числа партийных функционеров, априори лояльных по отношению к действующей власти. Использовалась также тактика изменения границ избирательных округов для обеспечения численного перевеса в них сторонников *KANU* и создания новых, в процессе которого иногда выселялись целые деревни, жители которых поддерживали оппозиционного кандидата. В итоге они лишались возможности за него проголосовать.

Мои активно использовал государственные средства массовой информации для дискредитации деятельности оппозиционных партий, которая намеренно отождествлялась с негативными последствиями структурных реформ, углубивших диспропорции на рынке труда и деформации в структуре занятости за счет сокращения возможностей для трудоустройства в формальном секторе и роста безработицы. Оппозиционные партии обвинялись также в разжигании межплеменных противоречий, сопровождавшихся этническими столкновениями, которые по существу провоцировались властями.

Способы вмешательства властных структур в избирательные процессы после введения многопартийности включали также разгоны не разрешенных под различными предлогами организуемых оппозицией митингов и собраний, их участников избивали и заключали под стражу. Наряду с силовыми методами принимались меры для обеспечения массовой поддержки *KANU* при помощи подкупа избирателей и функционеров из оппозиционных партий, вступать в которые запрещалось госслужащим.

В результате Мои, который к началу периода политического плюрализма возглавлял Кению уже 14 лет, удалось продлить срок своего пребывания у власти ровно настолько, насколько это предусматривала принятая в 1991 г. поправка к конституции, хотя во время президентских выборов и в 1992 г., и в 1997 г. общая численность оппозиционного *KANU* электората существенно превышала количество ее сторонников [18, с. 38].

Во время очередной выборной кампании 2002 г. у Мои больше не было конституционных возможностей претендовать на пост президента. Однако он не собирался выпускать из своих рук рычаги власти, по-прежнему полагаясь на разобщенность оппозиции, которая обеспечивала ему победу во время предыдущих выборов. Своим преемником он назначил сына «отца нации» Ухуру Кениату (для этого уступив ему пост председателя *KANU*), рассчитывая на получение тем президентского поста, как кандидата от этой партии, а затем «направлять» действия неискушенного в политических интригах

своего воспитанника, политическая карьера которого складывалась под его руководством.

Однако этот маневр формально покидающего свой пост президента вызвал уход из *KANU* ряда влиятельных партийных функционеров, не желавших поддерживать «марионетку Мои». В то же время стремление Мои сохранить за собой латентную власть послужило стимулом для объединения в конце концов оппозиционных партий, для лидеров которых был приемлем фактически любой кандидат, имеющий реальные шансы победить на выборах. В результате возникла оппозиционная У. Кениате Национальная радужная коалиция (*National Rainbow Coalition, NARC*), которую возглавил кикую Мваи Кобаки, основной конкурент Мои на выборах 1992 г. и 1997 г., выступавший за конституционные реформы и гарантии против узурпации власти одним лицом или группой лиц.

В 2002 г., когда за Кобаки было подано подавляющее большинство голосов избирателей, в Кении впервые был избран президент, не являвшийся членом партии, которая к этому времени уже 39 лет находилась у власти. Был также положен конец 24-летней «эре Мои», характерными чертами которой были расцвет коррупции, кризис в экономике, политические репрессии и разжигание межплеменной вражды. Баллотировавшийся от *KANU* У. Кениата получил около 30% голосов – наихудший в Африке результат, который когда-либо получал претендент на пост президента, имевший в своем распоряжении весь арсенал средств административного ресурса для обеспечения массовой поддержки [18, с. 41].

Но как показали последующие события, предвыборные призывы Кобаки к демократическим преобразованиям были для него по существу тактическим приемом, диктуемым текущим моментом, подобно его выступлениям в конце 1980 гг. – начале 1990 гг. совместно с представителями бизнес-элиты кикую за экономическую либерализацию и возвращение к многопартийной системе. Являясь на протяжении всей своей карьеры видным функционером *KANU*, а в 1978–1988 гг. вице-президентом Кении при Мои, он неизменно поддерживал меры по закреплению монопольных позиций этой партии в общественной жизни страны. Уход Кобаки с поста вице-президента в 1988 г. был продиктован отнюдь не его оппозиционными режиму настроениями, а в первую очередь неустойчивостью его положения во власти в условиях атмосферы подозрительности и провокаций, культивируемой Мои в среде партийно-административного руководства с тем, чтобы пресечь возможности создания оппозиционных группировок.

Фактически же, сложившаяся при Дж. Кениате-Мои авторитарная система правления вполне устраивала ставшего президентом Кобаки. Об этом свидетельствовало, в частности, его отношение к итогам состоявшегося в 2005 г. референдума по вопросу о конституционной реформе, когда большинство его участников, среди которых были и члены правительственного кабинета, высказалось за конституционные изменения, ограничивающие, в частности, президентский контроль над ветвями власти. Однако с таким результатом Кобаки не согласился и его попросту проигнорировал. При этом правительство, первоначально сформированное из представителей партий, поддержавших *NARC*, было отправлено в отставку, а его очередной новый состав был укомплектован, так же как при его предшественниках на президентском посту, по принципу этнического фаворитизма.

Действия Кобаки ускорили раскол среди лидеров объединившихся в аморфный *NARC* партий на преследующих свои этнические и политические интересы фракции сторонников и противников нового президента и нарушили сложившееся после выборов 2002 г. хрупкое равновесие политических сил. В преддверии президентской кампании 2007–2008 гг. общественная обстановка в стране становилась все более нестабильной, подогреваемая стихийным ростом недовольства населения сохраняющимися «не-

справедливым распределением» контролируемых властью «богатства, земли и ресурсов», которое сопровождалось применением насилия в межэтнических конфронтациях.

Столкновения между «местными» (календжин) и «пришельцами» (кикуйю), расправы с политическими активистами – «аутсайдерами» в районах плодородных земель Рифтовой долины участились после задержанного на три дня оглашения результатов выборной кампании, принесшей победу Кобаки, и его поспешной инаугурации. Ситуацию усугубили массовые акции протеста против «подтасованных», по их мнению, результатов голосования сторонников оппонента Кобаки Раилы Одинги (сына Огинги Одинги), которые власти усмиряли с помощью неоправданно жестоких полицейских мер и представителей криминальных группировок. Разразившийся в итоге этнополитический кризис унес жизни 1,7 млн человек, еще 600 тыс. оказались без крова. Ущерб, который понесла кенийская экономика, был самым тяжелым за весь период независимого развития страны [17, с. 38; 19].

Дальнейшее распространение этнических погромов удалось предотвратить лишь благодаря усилиям международных посредников, когда прибывший в конце 2008 г. в Кению тогдашний генсек ООН Кофи Аннан смог усадить боровшихся за пост президента Кобаки и Р. Одингу за стол переговоров. В итоге между ними был достигнут консенсус о признании оппозицией результатов президентских выборов и образовании коалиционного правительства из представителей прошедших в парламент партий. Его возглавил Р. Одинга, получивший вновь учрежденную должность премьер-министра. Именно такой способ ограничения президентского контроля над исполнительной ветвью власти поддержало большинство участников референдума 2005 г., с итогами которого Кобаки тогда не согласился.

В подписанном после длительных переговоров Кобаки и Одинги договоре о соглашении и примирении признавалось, что проявленное во время прошедшей президентской кампании межэтническое насилие наглядно свидетельствовало о наличии в стране целого комплекса взаимообусловленных социально-экономических проблем, способствующих сохранению межэтнической напряженности, среди которых важное место занимают нерешенность земельного вопроса, маргинализация отдельных этнических групп и ограничение их представителей в гражданских правах [20].

Новая конституция и проблемы демократизации избирательного процесса

В 2010 г. была принята новая конституция, в которой была сделана попытка реформировать политическую систему Кении с тем, чтобы предотвратить в будущем обострения межэтнических конфликтов во время предвыборных кампаний. В конституции предусматривалось изменение прежней системы централизованного контроля над деятельностью провинциальных административных структур за счет передачи ряда властных полномочий (*devolution*) более широкому кругу представителей интересов многоэтнической Кении. Для обеспечения их равного участия в управлении вводилось новое административное деление на 47 графств, то есть по числу проживающих в стране этнических групп, выборные губернаторы которых наделялись правом самостоятельно решать местные хозяйственные проблемы в рамках общей государственной стратегии развития при сохранении централизованного контроля над распределением финансовых потоков. Общая численность армии выборных управленцев была также увеличена при возвращении к двухпалатному парламенту и за счет пополнения депутатского корпуса представителями графств, женских и молодежных организаций, граждан с ограниченными возможностями.

Конституция устанавливала пороговую норму для числа поданных избирателями голосов, необходимых для подтверждения легитимности получения поста президента в

50% +1 голос; в ином случае требовалось повторное голосование. Эта норма, согласно которой претенденту на пост президента было необходимо получить абсолютное большинство голосов, вводилась для того, чтобы исключить возврат к ситуации 1992 г. и 1997 г., когда Moi смог остаться президентом, набрав простое большинство голосов (соответственно 37% и 40%) при существенной доле общей численности не согласного с итогами выборов электората, раздробленного по различным этническим партиям.

Сохранению общественной стабильности должно было также способствовать конституционное право представителей проигравшей стороны (вместо того, чтобы выводить свой протестный электорат на улицу) подавать апелляции в Верховный суд, независимость которого от исполнительной власти восстанавливалась. Вердикты ВС приобретали силу закона [21].

В то же время положение о создании поста премьер-министра в качестве одного из противовесов концентрации исполнительной власти в руках президента в окончательный вариант конституции не вошло. Характерно, что против этого не возражал и сам Одингга, хотя этот пост в коалиционном правительстве⁸ был создан именно для него после событий 2008 г., и именно он, будучи в оппозиции и позиционируя себя сторонником демократических конституционных реформ на референдуме 2005 г., был одним из главных инициаторов перераспределения управленческих полномочий в пользу исполнительной ветви власти. Перемена отношения Одингги к этому вопросу была связана с его намерением участвовать в предстоящей в 2013 г. очередной президентской кампании. Несмотря на стремление авторов конституции сделать политику более инклюзивной и расширить участие общественности в принятии решений, «ставки» в предвыборной президентской конкуренции по-прежнему были высокими: претенденты на высший государственный пост оставались в плену глубоко укоренившегося в общественном сознании постулата «победитель получает все» [18, с. 44].

Тем не менее, первая после принятия новой конституции президентская кампания 2013 г., в которой основными соперниками были Р. Одингга и его коллега по коалиционному правительству 2008–2013 гг. У. Кениата, прошла относительно спокойно, несмотря на то, что ее итоги были спорными. Проигравшая сторона – сторонники Одингги – усомнились в объективности членов избиркома, перешедших на ручной подсчет голосов после сбоя в электронной системе передачи данных в режиме реального времени (введенной для устранения возможности подтасовки результатов). Длившийся почти неделю, подсчет выявил незначительное преимущество Кениаты, которого, согласно данным избиркома, поддержало 50,07% избирателей. По новой конституции, этого было достаточно для получения Кениатой президентского поста без повторного голосования.

Практическое отсутствие после оглашения результатов выборов протестных выступлений оппозиции во многом было обусловлено царившими в обществе опасениями повторения трагических событий 2007–2008 гг., навсегда вписавшими мрачную главу в историю Кении. Этим настроениям была созвучна и заблаговременно организованная властями в государственных СМИ (уходящий со своего поста Кобаки явно поддерживал своего соплеменника Кениату) активная пропаганда «сохранения порядка» ради «сохранения национального единства». Значение имели также запреты митингов и концентрация в избирательных округах, считавшихся оплотами Одингги, сил безопасности и полицейских подразделений. Свою роль сыграли также впервые проведенные выборы на местном уровне, отвлекшие внимание части населения провинциальной Кении от соперничества за высший государственный пост.

Призывы властей к «сохранению порядка» явно повлияли и на членов Верховного суда, на беспристрастность которого рассчитывал Одингга, обратившись к нему с апел-

⁸ Было распущено перед очередными президентскими выборами.

ляцией о пересмотре результатов голосования. Однако ВС не принял апелляцию к рассмотрению, довольно неуклюже мотивируя свой отказ отсутствием в ней доказательств того, что сбои в передаче данных действительно повлияли на полученный вручную результат [22].

Во время очередной президентской кампании 2017 г., в которой, судя по опросам населения, шансы на победу у основных претендентов на высший государственный пост – Кениаты и Одингги – были практически равными, вероятность повторного голосования для многих снова была очевидной. Но Кениате, из-за сомнений существенной части электората в легитимности его избрания президентом в 2013 г., нужно было добиться убедительной победы уже в первом туре голосования. Опираясь в качестве действующего президента на значительно более широкий, чем у Одингги, набор поддерживающих его кампанию ресурсов, он сделал главную ставку на репрессивный аппарат, мобилизовав для охраны порядка беспрецедентное для Кении количество (200 тыс. человек) полицейских и сотрудников сил безопасности.

В результате они сразу же были брошены на подавление ожидавшихся властями протестных акций сторонников Одингги, после того как избирком, в состав которого накануне был введен новый *IT*-аналитик⁹, огласил результаты выборов (55% голосов в пользу Кениаты против 44% у Одингги), даже полностью не завершив их учет. Преждевременность объявления результатов была объяснена полным выходом из строя электронной системы подсчета голосов, что, по мнению оппозиции, произошло из-за хакерского вмешательства в этот процесс.

Грубые нарушения в процесс подсчета голосов стали поводом для апелляции Одингги в ВС о его несогласии с переизбранием действующего президента в соответствии с данными избиркома. И на этот раз ВС четырьмя голосами против двух признал результаты выборов недействительными, назначив повторное голосование [23].

Однако, хотя этим решением ВС, в отличие от избиркома, и продемонстрировал свою способность действовать в качестве независимого от верховной власти института, дальнейшие события показали пределы его независимости. Кениата сразу же показал свое неприятие имеющих силу закона судебных решений, если они его не устраивают, гневными филиппиками в адрес ВС, называя судей «преступниками» и «предателями национальных интересов». Последовали призывы парламентариев, его коллег по партийной коалиции, аннулировать судебный вердикт и распустить ВС, а также запугивание судей физической расправой и тому подобное. Все это привело к тому, что слушание второй апелляции Одингги о назначении даты новых выборов только после устранения возможности фальсификации их итогов, не состоялось из-за отсутствия кворума.

В результате дата повторного голосования была установлена избиркомом в соответствии с одобренным властями графиком, а когда Одингга принял решение его бойкотировать, общественно-политическая обстановка в стране вновь обострилась, напомнив события 2007–2008 гг. Толпы сторонников Одингги вышли на улицы, требуя реформирования избирательной процедуры, и снова неоправданная жестокость полиции при подавлении перераставших в межэтнические столкновения протестных демонстраций способствовали нарастанию межэтнической напряженности. Из-за бойкотировавших выборы многочисленных групп населения во втором туре участвовало лишь 35% зарегистрированных избирателей (против 80% в первом). Практически все они отдали свои голоса Кениате, сохранившему за собой таким образом президентский пост [24].

Спорные результаты выборов 2017 г. наглядно продемонстрировали сохранение факторов, сдерживающих (вопреки заложенным в конституции механизмам по преодолению этнической разобщенности населения и его недоверия к итогам выборов) фор-

⁹ Его предшественник был убит при невыясненных обстоятельствах.

мирование устойчивых признаков демократизации выборного процесса в условиях многопартийности. Практическое отсутствие ряда его основополагающих показателей [25, с. 60], таких как свободное волеизъявление своего мнения участвующих в выборах граждан, равные конкурентные возможности кандидатов на пост президента, объективность окончательных результатов и признание их поэтому проигравшей стороной, были заметны еще при первых после принятия конституции выборах. Они прошли в условиях неподотчетности избиркома перед общественностью, активного вмешательства властных структур в выборный процесс и подведение его итогов, угрозы полицейского произвола.

Поскольку у значительной части населения это вызвало сомнения в легитимности результатов выборов, в итоге были заложены предпосылки для повторения ситуации в 2017 г., когда стремление действующего президента любой ценой сохранить власть фактически поставило страну на грань этнополитического кризиса. Социологи считают сохранение тенденции к снижению степени доверия общественности к президентским выборам важным индикатором политической динамики во время следующей президентской кампании.

Источники

1. Пегушев А.М. *Кения. Очерк политической истории*. 1956–1969. М., 1972.
2. A critical Analyses of the Concept of Majimbo in Kenya's Political Circle. *International Journal of Language and Linguistics*, т. 5. № 3, сентябрь 2018.
3. Филатова И.И. *История Кении в новое и новейшее время*. М., 1985.
4. African Socialism and its Application to Planning in Kenya. Nairobi, 1965. <http://www.treasury.gov.za/coorbankpublications/kenya/%20/documents.pdf> (дата обращения 1.04.2022)
5. Кулик С.Ф. *Африканизация в Кении 1963–1973. Социально-экономические итоги*. М., 1978.
6. Details of Kenya's Little General Election of 1966. 14 Sept. 2021. <https://www.kenyans.co.ke/news/68421-details-kenyas-little-general-election> (дата обращения 1.04.2022)
7. Kenya's Struggle against the Moi Dictatorship. DOI: 10.10931acprof:oso/978019978201.003.0006. <https://oxford.universitypressscholarship.com> (дата обращения 01.01.2022)
8. Monyai M. One Party State. Is it Good or Bad for Governance? *International Relations*. May 2012.
9. *Республика Кения. Справочник*. М., 1991. ISBN 5-02-017-141-7.
10. Матвеева Н.Ф. Особенности государственной политики занятости в Кении. *Экономика Африки в условиях рыночных преобразований*. М., 2010. ISBN 978-5-91298-067-1.
11. Lofchie M.F. The Policy Factor of Agricultural Performance in Kenya and Tanzania. 1.01.1989. ISBN N13:9781555871369.
12. Kitching G. Class and Economic Change in Kenya: the Making of an African Petit-Bourgeoisie. Лондон, 1980. ISBN 13:978-03000213855.
13. Мадулуме Р.М. Становление Джомо Кениаты как политика. Первые годы президентства. *Ученые записки Института Африки РАН*, 2021, № 1 (54). ISBN 2412-5717.
14. How the 'mlolongo' system doomed polls. *The Standard*. 20.11.2020.
15. Saba-Saba and the Evolution of Citizen Power. *The Elephant*. 2020.07.07.
16. Political Transition, Governance and Human Rights in Kenya/ Political Context Study. Norwegian Centre for Human Rights. 6-2011. Oslo. <https://www.jus.uio.no/snz/english/research/projects/ripoca/m/6-2011.pdf> (дата обращения 05.01.2022)
17. Матвеева Н.Ф. Кения: имидж стабильности? *Азия и Африка сегодня*, № 6, 2009.
18. Матвеева Н.Ф. Политические династии в Кении. *Африка: политические портреты*. М., 2015. ISBN 978-5-91298-224-8.
19. Kenya Freedom in the world 2013. <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2013/> (дата обращения 02.01.2022)

20. The Truth, Justice and Reconciliation Commission's recommendation. *Daily Nation*. 16.06.2008.
21. Kenya: Constitution and Politics. <https://the.commonwealth.org/our-member-countries/Kenya/> (дата обращения 05.01.2022)
22. State of the Nation. Kenya after the "fragile" 2013 poll. *Daily Nation*. 17.02.2014.
23. Kenya just became the third country in the world to nullify a presidential election results. *Business Insider*. 09.09.2017.
24. Kenya Repeat Election. *A Standard Digital*. October 2017.
25. Mtasigazyu P. The State of Liberal Democracy with Regard to Elections and Political Stability in Africa: Bridging the Gap Between Theory and Practice. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2021, № 1 (54).

ON THE HISTORY OF THE RESTORATION OF A MULTI-PARTY POLITICAL SYSTEM IN KENYA

© 2022 Natalia Matveeva

MATVEEVA Natalia F., Research Fellow of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 123001, Moscow, Spiridonovka str., 30/1, e-mail: nf661@mail.ru

Abstract. *On the eve of the declaration of independence in 1963, the specifics of the alignment of political forces in Kenya consisted in the struggle for future power between two large nationalist unions – Kenya African National Union (KANU) and Kenya African Democratic Union (KADU). The outcome of this struggle brought victory to KANU and largely determined the vector of the future political history of this country. Under its first President, Jomo Kenyatta (and Chairman of KANU), multiparty Kenya became a de facto one-party state after KADU was dissolved in 1964 and the activities of the opposition Kenya People Union (was emerged in 1965) was banned in 1966. Kenya became officially the one-party state under Kenyatta's successor D. arap Moi in 1982.*

In the process of further establishing the authoritarian regime, he used KANU to extend state-party control to all forms of socio-political life of the country (parliament, judiciary, trade unions, public organizations, etc.). The main guarantor of ensuring order was repressive measures against any forms of dissidence.

After the adoption in 1991 of the amendment to the Constitution on the liberalization of the political system, Moi managed to remain as president twice more (after the 1991 and 1997 elections), thanks to the disunity of the opposition represented by parties created on ethnic grounds. Only in 2002, the opposition managed to create a multi-ethnic short-term alliance National Rainbow Coalition led by M. Kibaki. As a result, the first president was elected in Kenya, who was not a member of the party that had been in power for 39 years before. It also put an end to the 24-year «Moi era», which was characterized by the flourishing of corruption, the crisis in the economy, political repression and tribal strife.

But the same challenges, and the unresolved land issue among them, again led to the unrest during the next presidential campaign of 2007–2008. The culmination was the largest ethnopolitical crisis in the history of Kenya, which was stopped only thanks to the efforts of international mediators. In 2010 a new constitution was adopted, in which an attempt was made to reform the political system in order to prevent the aggravation of interethnic conflicts in the future during presidential election campaigns in multiparty Kenya. The purpose of the main provisions of the Constitution is to make politics more inclusive, to expand the participation of the population in decision-making, to overcome of the population distrust to their results of a presidential elections.

Keywords: KANU, KADU, KPU, NARC, authoritarian regime, one-party system, multiparty system, constitution, democratization of the electoral process

DOI: 10.31132/2412-5717-2022-60-3-53-72

References

A critical Analyses of the Concept of Majimbo in Kenya's Political Circle. *International Journal of Language and Linguistics*. Vol. 5. № 3. Sept. 2018.

African Socialism and its Application to Planning in Kenya. Nairobi, 1965. <http://www.treasury.gov.za/coopbankpublications/kenya/%20/documents.pdf>

Details of Kenya's Little General Election of 1966. 14 Sept. 2021. <https://www.kenyans.co.ke/news/68421-details-kenyas-little-general-election> (accessed 01.04.2022)

Filatova I.I. *Istorija Kenii v novoje i novejshee vremja*. Moscow, 1985.

- How the 'mlolongo' system doomed polls. *The Standard*. Nov 20. 2020.
- Kenya: Constitution and Politics. <https://the-commonwealth.org/our-member-countries/Kenya/> (accessed 05.01.2022)
- Kenya Freedom in the world 2013. <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2013/> (accessed 05.01.2022)
- Kenya just became the third country in the world to nullify a presidential election results. *Business Insider*. 09.09.2017.
- Kenya Repeat Election. *A Standard Digital*. October 2017.
- Kenya's Struggle against the Moi Dictatorship. DOI: 10.1093/acprof:oso/978019978201.003.0006. <https://oxford.universitypressscholarship.com> (accessed 01.01.2022)
- Kitching G. Class and Economic Change in Kenya: the Making of an African Petit-Bourgeoisie. Leningrad, 1980. ISBN N13:978-03000213855.
- Kulik S.F. *Afrikanizacija v Kenii 1963–1973. Sozialno-ekonomicheskie itogi*. Moscow, 1978.
- Lofchie M.F. *The Policy Factor of Agricultural Performance in Kenya and Tanzania*. January 1st 1989. ISBN N13:9781555871369.
- Madulume R.M. Stanovlenie Djomo Keniaty kak politika. Pervye gody prezidentstva. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, 2021, № 1 (54) ISBN 2412-5717.
- Matveeva N.F. Kenija: imidj stabilnosti? *Asija I Afrika segodnja*. 2009, № 6.
- Matveeva N.F. Osobennosti gosudarstvennoj politiki zanjatosti v Kenii. *Ekonomika Afriki v uslovijach rynochnych preobrazovanij*. Moscow, 2010. ISBN 978-5-91298-067-1.
- Matveeva N.F. Politicheskie dinastii v Kenii. *Afrika: politicheskie portrety*. Moscow, 2015. ISBN 978-5-91298-224-8.
- Monyaini M. One Party State. Is it Good or Bad for Governance? *International Relations*. May 2012.
- Mtasigazya P. The State of Liberal Democracy with Regard to Elections and Political Stability in Africa: Bridging the Gap Between Theory and Practice. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*. 2021. № 1(54).
- Pegushev A.M. *Kenija. Oчерk politicheskoy istorii*. 1956–1969. Moscow, 1972.
- Political Transition, Governance and Human Rights in Kenya. Political Context Study. Norwegian Centre for Human Rights. 6-2011. Oslo. <https://www.jus.uio.no/snz/english/research/projects/ripoca/m/6-2011.pdf> (accessed 05.01.2022)
- Respublika Kenija. Spravochnik. Moscow, 1991. ISBN 5-02-017-141-7.
- Saba-Saba and the Evolution of Citizen Power. *The Elephant*. 2020.07.07.
- State of the Nation. Kenya after the "fragile" 2013 poll. *Daily Nation*. 17 February 2014.
- The Truth, Justice and Reconciliation Commission's recommendation. *Daily Nation*. 16 June 2008.